

Более того, этот набор чашек изначально был создан для того, чтобы угодить другому императору, но как только чертежи были завершены, Оуян ушел из жизни. Только в этой жизни, когда Оуян воскрес и, вспоминая прошлое, нашёл те самые чертежи в хранилище Дома графа Цинъяна, он решил воплотить их в жизнь как напоминание о прошлом, заказав изготовление у мастеров. Однако после того как чашки были сделаны, он снова спрятал их вместе с чертежами на дно сундука, не желая ни смотреть на них, ни использовать.

Подарить такую вещь, которая ему самому не нравится, Ци Юньхэну, в лучшем случае можно назвать «подарить то, что не нужно», а в худшем — просто отделаться формальностью.

Даже если Ци Юньхэн никогда об этом не узнает, Оуян не смог бы переступить через свои принципы.

К тому же слово «чашки» созвучно со словом «трагедия». В такой важный день, как день рождения, как можно дарить что-то столь неблагоприятное!

— Это что-то новое?

Ци Юньхэн поднимал одну за другой чаши Девяти Драконов, быстро заметив, что ни нефрит, ни золото не имеют следов использования, а весь набор лишён того очарования, которое приходит с годами.

Однако предметы, связанные с драконами, не могут быть использованы простыми людьми, а Дом графа Цинъяна не является императорской семьёй. Как же они смогли создать такой набор?

— Это сделано давно, не новое, но действительно никем не использовалось, — ответил Оуян.

Услышав это, Ци Юньхэн предположил, что этот набор изначально предназначался для императора Синхэ из прошлой династии, и сразу же принял объяснение Оуяна о том, что это «подходит только для игры, но не для подарка на день рождения», кивнув:

— Вещь действительно хорошая, сочетание золота и нефрита — это уникальное мастерство.

Затем он изменил тон:

— Кстати, раз уж Чунъянь подарил мне это просто для игры, значит, у него есть что-то более подходящее для моего дня рождения?

— Возможно, я просто не нашёл ничего подходящего и, не желая тратить лишние усилия, решил просто не дарить ничего?

Оуян подмигнул.

Ци Юньхэн улыбнулся:

— В таком случае я сам возьму то, что хочу.

— Возьмёшь? Что?

Оуян, глядя на загадочное выражение лица Ци Юньхэна, почувствовал, что тот замышляет что-то недоброе, словно надеется, что он забудет о своём дне рождения и не подарит ничего.

Ци Юньхэн промолчал, лишь улыбаясь, что только укрепило подозрения Оуяна.

— Ты что-то замышляешь? — прямо спросил Оуян, нахмурившись.

Ци Юньхэн улыбнулся ещё шире, поставил чаши Девяти Драконов и, вернувшись к Оуяну, наклонился, чтобы поцеловать его в губы, затем сел рядом и тихо произнёс:

— Чунъянь, не бойся, что бы ни случилось, я не отправлю тебя в тюрьму и не буду пытаться тебя только за то, что ты забыл о подарке.

— Тогда куда ты хочешь меня отправить и что сделать?

Оуян, осенившись догадкой, выпалил.

Услышав это, Ци Юньхэн явно напрягся, но затем серьёзно покачал головой:

— Чунъянь, не беспокойся, никуда не поедет, я обещаю!

— Есть такое выражение: «кажется, но не является».

Оуян не был спокоен, чувствуя, что Ци Юньхэн определённо подготовил какую-то грандиозную сцену, ожидая, что он поддастся.

Но Ци Юньхэн явно не собирался давать ответа, лишь улыбнулся и сменил тему, указывая на маленькую коробку на столе:

— А что в этой коробке? Это мой подарок на день рождения?

— Если бы это могло быть подарком, то ты мог бы получить столько, сколько захочешь.

Оуян встал, взял коробку с визитными карточками, открыл её и, вернувшись к Ци Юньхэну, спросил:

— Кстати, после пятнадцатого января в столице что-то происходило? Семнадцатого января Лу Эршоу, этот парень, вдруг официально прислал мне визитную карточку.

— Не говори, что ты только сейчас обнаружил эту карточку.

Ци Юньхэн знал, что Лу Эршоу — это Лу Чжо. Он использовал Лу Чжо и дал ему должность именно потому, что у того были старые связи с Оуяном. Хотя его таланты трудно назвать выдающимися, его характер был действительно достойным, и он никогда не смотрел свысока на Оуяна после того, как Ци Юньхэн женился на нём.

— Ты угадал.

Оуян честно признался:

— В последнее время я был занят делами императорского поместья, у меня не было времени на что-то другое.

Оуян никогда не был человеком, который старается угодить всем, и Ци Юньхэн, зная это, не подумал, что он ищет оправдания, лишь слегка пожалел Лу Чжо, а затем начал вспоминать, что произошло после пятнадцатого января, быстро предположив:

— Неужели они хотят отправить своего ребёнка во дворец в качестве спутника, но не имеют связей, поэтому обратились к тебе?

После пятнадцатого января произошло две вещи: военные уехали из столицы и начались занятия для принцев.

Первое не имеет отношения к Лу Чжо, а второе вполне возможно.

В конце концов, учителем может стать не каждый, но дети есть в каждой семье.

— Ты уже выбрал спутников для тех детей? — спросил Оуян.

— С первого февраля они уже занимаются в боковом зале Чертога Сюаньюань.

Ци Юньхэн вздохнул с досадой, затем без церемоний протянул руку и взял несколько визитных карточек из коробки, которую держал Оуян, бегло просматривая их:

— Откуда эти карточки?

— Откуда ещё? Их принесли в мой дом!

Ответил Оуян:

— Эти люди тоже смелые, они лезут во все дыры, даже мою пристань осмелились посетить.

— Ты тоже можешь последовать примеру других и набрать себе помощников, они могли бы заниматься такими делами.

Ци Юньхэн сказал это наполовину серьёзно.

— Кому они нужны!

Оуян тут же скривился:

— Лучше я потрачу деньги на благотворительность, чем буду содержать этих так называемых помощников, которые могут иметь скрытые намерения, превращая дом в хаос.

Ци Юньхэн рассмеялся, отложив это предложение, и вернулся к теме Лу Чжо.

— Если Лу Чжо действительно хочет отправить своего ребёнка во дворец в качестве спутника, то это тоже...

— Не обращай на него внимания.

Оуян прервал:

— Хотя мы не виделись десять лет, он не мог забыть мой характер. Если бы он действительно хотел попросить меня, он не ограничился бы одной визитной карточкой.

Ци Юньхэн слегка удивился, затем понял:

— Если твои догадки верны, то, вероятно, он просто хочет использовать тебя, чтобы положить конец желаниям своей семьи.

У каждой семьи свои проблемы.

У Лу Чжо есть родители, братья и сёстры, друзья и родственники, и все их ожидания сосредоточены на нём. Его собственные желания становятся незначительными, и он вынужден

играть роль, чтобы справиться с ситуацией.

— Так что, раз уж мы уже пропустили это, давай оставим всё как есть.

Оуян поставил точку.

Мысли маленького чиновника Лу Чжо не могли задержаться в сердце Ци Юньхэна, но из-за любви к Оуяну он хотел сделать его счастливым.

Если бы Оуян хотел вмешаться, Ци Юньхэн бы помог, но если Оуян не хотел иметь с этим дела, Ци Юньхэн не стал бы действовать самостоятельно.

Среди всех, кто был связан с Оуяном, больше всего Ци Юньхэна сейчас волновал его приближающийся день рождения.

Хотя Оуян не сказал Ци Юньхэну, что именно он приготовил в качестве подарка, Ци Юньхэн всё равно с нетерпением ждал этого дня.

С одной стороны, он верил, что Оуян не станет дарить ему что-то простое; с другой стороны, он сам уже тайно приготовил себе подарок, и что бы Оуян ни подарил, он сделает этот первый день рождения после восшествия на престол незабываемым.

Поскольку Ци Юньхэн заранее объявил, что в этом году всё будет скромно, даже его день рождения — Праздник Десяти Тысяч Лет — не будет сопровождаться большим пиром с приглашением гостей из-за пределов дворца.

Хотя чиновники лишились возможности публично демонстрировать свои подарки, отсутствие пира не означало, что они могут обойтись без подарков.

В последние два дня февраля чиновники и знатные люди начали отправлять свои подарки во дворец, не надеясь на особую благодарность, но стремясь избежать ошибок. Если бы они смогли порадовать Ци Юньхэна, это было бы идеально.

И среди этих подарков действительно было немало вещей, которые могли вызвать улыбку на лице Ци Юньхэна. В дополнение к стабильной ситуации в стране и спокойствию во всех делах Ци Юньхэн не скрывал своей радости, и в последние дни он был легок на подъём и улыбался.

<http://bllate.org/book/16203/1454636>